

и других сводах конца XV в.³ Однако большинство историков, занимавшихся «стоянием на Угре» 1480 г., не уделяло достаточного внимания источниковедческому исследованию этой повести: не ставя вопрос о ее литературной истории, исследователи объявляли повесть об Угре во всех ее редакциях «ненадежным и недостоверным источником»⁴ и видели в рассказе о колебаниях Ивана III под влиянием «богатых и брюхатых» враждебный вымысел.⁵ А между тем о выступлениях противников войны с ханом и о колебаниях Ивана III сообщает и другой источник — Послание на Угру архиепископа Вассиана Рыло: здесь также говорится про «духов же лстивых, шепчущих во ухо твоей державе еже предати Христово стадо»; Вассиан специально отвергает возможный аргумент своих противников: «Аще ли еще прешися и глаголеши, яко „под клятвою есмь от прародителей, еже не поднимати руки против царя, то како аз могу клятву разорить и спротив царя стати?“»⁶

Как и приведенные выше источники, новонайденный рассказ об Угре

³ Ср.: Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV века. — ТОДРА, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 169—172. В недавно опубликованной статье о летописных повестях о нашествии Ахмата И. М. Кудрявцев приходит к заключению, что наиболее ранним текстом повести об Угре был рассказ Московского свода конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949), откуда этот рассказ был заимствован ростовским владычным сводом — Типографской летописью [И. М. Кудрявцев. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы. (Летописные повести о нашествии Ахмата и их литературная история). — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, стр. 26, 33]; утверждая, что «Ростовская летопись опиралась на Московский свод 1479 г.», И. М. Кудрявцев ссылается на исследование А. А. Шахматова «О так называемой Ростовской летописи» (там же, стр. 26, прим. 11, 12). Но это недоразумение. В исследовании А. А. Шахматова (ЧОИДР. М., 1904, кн. 5) речь идет о так называемой Ростовской летописи — летописной компиляции начала XVI в., действительно очень полно передающей великокняжеский свод 1479 г., но не имеющей ничего общего ни с Ростовом, ни с ростовским владычным сводом, отразившимся в Типографской летописи. Рассказ об Угре в Типографской летописи не мог восходить к великокняжескому своду 1479 г., ибо в этом своде, естественно, не было рассказа о событиях 1480—1481 гг. Едва ли также великокняжеский свод начала 90-х годов XV в. (ПСРЛ, т. XXV) мог повлиять на ростовский свод, доведенный до 1484 г. и сохранившийся в Типографской летописи.

⁴ Ср.: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. М., 1952, стр. 134—147.

⁵ Так расценивал летописную повесть об Угре уже А. Е. Пресняков (Иван III на Угре. — Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911, стр. 280—286), не знавший текста Типографской летописи и видевший во всех вариантах повести различные виды компиляции противоречивых источников. И. М. Кудрявцев справедливо указывает, что «нет достаточных оснований» считать, будто эта повесть сложилась в кругах, враждебных Ивану III (И. М. Кудрявцев. «Угорщина» в памятниках древнерусской литературы, стр. 29), но его собственные предположения о литературной истории «Угорщины» в летописании, к сожалению, теряют убедительность, из-за того что автор совершенно не связывает их с историей летописных сводов, где читалась повесть об Угре. Так, слова «бысть же страх тогда на обонх, еднии других бояхуся», читающиеся в Типографской, Софийской II, Львовской, а также в Московском своде (Уваровский список) и многих других летописях (в том числе официально-великокняжеских), И. М. Кудрявцев считает «исправлением» текста, внесенным «в результате определенных отношений к Москве со стороны антимосковских группировок» (там же, стр. 32). Но когда же это «исправление» было сделано? Когда и как оно могло попасть в ростовский свод, доведенный до 1484 г., в Московский великокняжеский свод конца XV в. и в остальные летописи? Заключение рассказа об Угре, читающееся в Типографской, Софийской II, Львовской, Воскресенской и других летописях, И. М. Кудрявцев именует «приписками» к рассказу, относит их ко времени позже 1498 г., считая автором последней приписки дьяка Мисюря Мунехина (там же, стр. 56—60). Каким же образом эти «приписки» 1498—1502 гг. оказались в ростовском владычном своде, доведенном до 1484 г. (Типографская летопись), и в своде 1489 г., связанном с митрополитом Геронтием (Софийская II—Львовская летопись)? Пока нет ответов на эти вопросы, построение И. М. Кудрявцева не имеет под собой почвы.

⁶ ПСРЛ, IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, стр. 518, 520. Ср.: ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 208, 211.